

Комментарии к статье М. Т. Кашубы

Вопросами домостроительства эпохи поздней бронзы — раннего железа в Центральной и Юго-Восточной Европе сегодня мало кто занимается. Поэтому, вполне закономерный интерес вызывает тема, которой занялась М. Т. Кашуба. Она впервые предприняла попытку суммировать, что же «накопано» к настоящему времени по этому предмету. Ей были выработаны критерии и признаки, которые легли в основу классификации сооружений (более 100 объектов из 57 поселений нескольких культур). Аналитических разработок такого масштаба до сих пор для указанной территории не было. Поэтому статья М. Т. Кашубы — с ее новым подходом к известным материалам — во многих моментах является новаторской. Далее обсуждаются наиболее дискуссионные аспекты этой статьи, а также те из содержащихся в ней положений, которые, как нам кажется, не могут быть приняты.

О названии и терминах. М. Т. Кашуба, вслед за некоторыми исследователями предыдущего поколения, использует в своих работах название «гальштаттские культуры» применительно к культурам Голиграды, Гава, Сахарна, Басарабь и др. Однако сегодня в европейской археологии конца бронзового — начала железного веков никто не называет эти культуры «гальштаттскими». С использованием этого термина нужно быть крайне осторожным, поскольку настоящая гальштаттская культура, как известно, была распространена с VIII в. до н. э. от истоков Дуная и восточных предгорий Альп на востоке до Пиренейского полуострова и сегодняшней Франции на западе. К гальштаттским культурам не причисляют и культуру Басарабь (и ее восточную — шолдэнештскую периферию), которая выросла на бабадагской подоснове. Не следует смешивать периодизацию гальштаттской эпохи, выделенную П. Райнеке, которая с поправками Хр. Пэа (Pate 1999: 293–433) и М. Тракселя (Trachsel 2004) используется до сегодняшнего дня, с настоящей гальштаттской культурой (другое название: гальштаттский круг культур, к которому причисляют восточно- и западногальштаттскую, быланскую, гораковскую и юговосточно-гальштаттскую — Gedl 1985: 191–207)¹.

Большие сомнения вызывает используемый М. Т. Кашубой (вслед за С. Моринцом — Morintz 1987: 39–71) термин «гальштаттизация» применительно к культурам Голиграды, Гава и др., поскольку ничего «гальштаттского» ни в Голиградах, ни в Гаве, ни в Кишинэу-Корлэтенъ нет². Почему бы не ограничиться употреблением применительно к ним более обоснованного и давно прижившегося названия: «культуры с каннелированной керамикой»? Однако

¹ О сильном влиянии гальштаттского круга культур (из Верхнего Подунавья) на культуру украинской Правобережной лесостепи можно говорить лишь со второй — третьей четверти VII в. до н. э. Примером тому служат импорты и местные имитации из восточногальштаттской культуры Календерберг, которые обнаружены автором в кургане западноподольской группы раннескифской культуры в Швайковцах на Тернопольщине (Бандри́вський 2009: 202–235; Бандри́вский 2011: 59–63).

² Эпонимного могильника в Гальштатте на юго-западе Австрии во времена культур Голиграды и Гава не существовало.

это исследовательнице было невыгодно, поскольку заставляло бы исключить из статьи разделы, посвященные памятникам других культур — Сахарна и Басарабь³, которые относятся к совершенного иного круга — к культурам с резной и штампованной орнаментацией. А «объединить» все эти разновременные и генетически разные этнокультурные сообщества (Голиграды, Гава, Кишинэу-Корлэтеь, Сахарна, Басарабь) М. Т. Кашубе удалось посредством созданного ей понятия «галыштатские культуры Восточного Прикарпатья». В этом просматривается хорошо известная в недавнем прошлом тенденция нивелировать локальные особенности и все «укрупнять», загонять в искусственно созданные рамки надкультурных образований. Понимая, что полностью игнорировать общепринятый термин «культуры с каннелированной керамикой» все-таки сложно, М. Т. Кашуба иногда использует его в несколько иной интерпретации: « <...> культура с каннелированной керамикой Гава-Голиграды-Грэничешть». Другими словами, то, что в начале 1970-х гг. было выделено Э. Балагури и Г. И. Смирновой как «гава-голиградский круг памятников»⁴, М. Т. Кашуба предлагает считать одной культурой, расширяя ее за счет памятников группы (культуры, по А. Ласло — László 1994) Грэничешть.

И последнее в этом вопросе: посвящая свою статью домостроительству XII–VIII/VII вв. до н. э. в Восточном Прикарпатья, М. Т. Кашуба считает уместным привлекать памятники с других территорий. Например, памятники культуры Гава, которые находятся исключительно во Внутрикarpатской дуге, т. е. в Верхнем Потисье и Трансильвании и не переходят на восточную сторону Карпат (Gedl 1985: 177–180; Хохоровский 1996: 213, рис. 1). И, конечно, нельзя согласиться с тем, что памятники голиградской культуры, которые размещены в Верхнем Поднестровье и северных предгорьях Карпат, одним махом и без объяснения перенесены в Восточное Прикарпатья. Подобная неразбериха с географическими названиями и терминами не прибавляет солидности рассматриваемой статье.

О структуре. М. Т. Кашуба хороший аналитик и у нее прекрасно получается обобщение и осмысление уже известных вещей. Тем более, когда они выложены в виде таблиц и графиков, что облегчает восприятие материала. Разработанные М. Т. Кашубой основные признаки не вызывают особых замечаний. Здесь все глубоко структурировано, достаточно четко и выразительно представлено в таблицах. Вопрос лишь в одном — насколько корректно в одну таблицу (табл. 1–2) вносить параметры совершенно разных, разновременных и достаточно удаленных друг от друга культур, таких как Голиграды и Басарабь, Гава и Сахарна? Если же мы согласимся с таким подходом, то что мешает

³ По М. Т. Кашуба — культуры Козия-Сахарна и Басарабь-Шолдэнешть.

⁴ В 1972 г. Э. Балагури предложил свести в единую группу все позднебронзовые памятники бассейна Верхней Тисы и украинского Предкарпатья, объединив их в «гавско-голиградский культурный комплекс района Северо-Восточных Карпат». В том же году на конференции в Ужгороде Г. И. Смирнова предложила схожую дефиницию — «гавско-голиградский круг памятников», к которому были отнесены материалы из северо-восточной Словакии (Сомоторска Гора), северо-восточной Венгрии (Гава) и соседних северо-западных частей Трансильвании (Смирнова 1972: 96–97). Однако в упомянутых работах Э. Балагури и Г. И. Смирнова начали употреблять и совершенно иные названия — «культура Гава-Голиграды» или же «гава-голиградская общность», что далеко не одно и то же, что предлагалось вначале («круг памятников <...>»). Эта непоследовательность с употреблением терминов и привела, в конечном итоге, к многовариантности названий.

присоединить к ним чуть более поздние гетские и фракийские жилища? Ведь при домостроительстве в то время также употреблялись деревянные каркасные конструкции (а где их не употребляли?), глинобитные стены и схожие отопительные сооружения. Кажется, что обрабатывать статистически все вместе постройки Голиградской, Гава и других названных культур пока преждевременно, поскольку степень изученности каждой из этих культур различна, тем более в плане домостроительства. Обобщенные в таком случае данные не будут давать реальной картины еще и потому, что сравниваются разновременные памятники с «разбросом» в полтысячелетия (!): с XII по VII вв. до Р. Хр.

Кроме того, среди иллюстраций, приводимых в статье М. Т. Кашубы, хотелось бы видеть не только планы жилищ разных культур, но и наиболее яркий материал, в них найденный. Одно дело, когда перед нами лишь планы двух в чем-то похожих котлованов от сооружений, и совсем другое дело, когда те же планы проиллюстрированы керамикой, бытовыми вещами и др. находками. Пусть не полный комплекс находок из того или иного жилища, но хотя бы наиболее выразительные вещи. Такой подход дает свободу выбора читателю, и он уже сам — по сопутствующему материалу — определит, права ли М. Т. Кашуба, причисляя те или иные остатки сооружений (жилищ?) к конкретной культуре.

О генезисе и хронологии сопоставляемых М. Т. Кашубой культур Голиграды и Гава. Здесь, конечно, не место дискутировать, прав или неправ был А. Ласло, причисляя выделенную им в 1994 г. группу памятников типа Грэничешть к юго-восточной гавской периферии (László 1994). Но поскольку М. Т. Кашуба в оценке указанных памятников полностью опирается на представления А. Ласло, то следует все же отметить, что:

1. Памятники группы Грэничешть лишь частично синхронны Голиградской культуре. Такие раннеголиградские памятники, как солеварные центры Текуча, Космач и Лоева, клады бронзовых изделий в Грушке, Жабокруках, Хотимире, Яргорове, Коровии, которые относятся к периоду конца BrD–HaA1 (Крушельницка 1985: 40–59; Конопля, Чопек 1995: 90; Пивоваров, Ільків 2009: 92; и др.), опережают во времени абсолютное большинство памятников группы Грэничешть, наиболее ранние из которых датируются периодом HaA2. Большинство же материалов группы Грэничешть в Припутской Молдове синхронны с развитым и поздним этапами развития Голиградской культуры. Например, типичный для памятников Грэничешть тип черпака или кубка (László 1994: 257, fig. 37: 1–7) вполне аналогичен такому же сосуду из городища в Крывче (Крушельницкая, Малеев 1990: 128, рис. 42: 10; Крушельницка 1998: 190–191, рис. 110: 3), где была найдена посуда, близкая, по определению самого Ю. Н. Малеева, к керамике типа Бабадаг и северо-болгарских комплексов (Малеев 1987: 95). Несопоставимо с группой Грэничешть и количество кладов Голиградской культуры (одних бронзовых котлов свыше 10, около тридцати бронзовых мечей, сотни кельтов, серпов, долот и др.). В группе Грэничешть бронзовые изделия вообще довольно редки и не дают серий. Поэтому в скором будущем может оказаться, что группа памятников Грэничешть, которая территориально вплотную примыкает к месторасположению наиболее выдвинутых к востоку голиградских памятников, таких как Магала III–IV, окажется той же голиградской культурой, только в ее восточном проявлении. А локальные особенности некоторых форм керамики Грэничешть и других вещей этой группы могут объясняться соседством с памятниками культуры Кишинэу–Корлэтенъ и культур с прочерченной орнаментацией.

О некоторой искусственности «присоединения» к Голиградской культуре памятников культуры Гава свидетельствует публикуемая М. Т. Кашуба карта (рис. 1), на которой из 14 памятников, отнесенных исследовательницей к «культуре Гава-Голиграды-Греничешть», 10 (десять!) расположены в Верхнем Поднестровье и соотносятся исключительно с голиградской культурой.

2. Почему мы так упорно выступаем против «объединения» культур Голиграды и Гава и завышения (М. Т. Кашубой и другими исследователями) времени их появления? Во-первых, потому что эти культуры развивались по разные стороны Карпат, и пока не найдено ни одного свидетельства переселения носителей культуры Гава на северо-восток, на голиградскую территорию⁵. Более того, существующие на сегодня материалы свидетельствуют, что ранние Голиграды и Гава появились почти в одно и то же время: в конце периода BrD — самом начале HaA1 (т. е. не позже первой половины XIII в. до Р. Хр.) с той лишь разницей, что гавские памятники в украинском Закарпатье (верховья Тисы) сложились на позднестановской подоснове. Например, на однослойном поселении Квасово I вместе с типичными для керамического комплекса Станове III обломками сосудов (черпаки, амфоры, миски, которые украшены врезными спиралями и гирляндами) расчищено незначительное количество фрагментов керамики, которые изготовлены с добавлением шамота, а также, что очень важно, одиночные фрагменты керамики с чернолощеной внешней и розовой внутренней поверхностями. А это, как полагает Й. Кобаль, как раз та черта, которая присуща уже культурам периода HaA. Причем эта «становская» керамика из Квасово I представлена и типичными формами (амфоры типа протовилланова), а также орнаментацией в виде параллельных каннелюр (Кобаль 2007: 592–593, ил. 8: 1–14). О том, что эти раннегавские сосуды на поселении Квасово I не были импортом, а изготовлены на месте, свидетельствуют примеси дресвы, которую добавляли в глиняное тесто таких сосудов, что было основной традицией именно становских гончаров. Аналогичная керамика вместе с типичной становской известна в Румынии на памятниках группы Лэпуш (Кобаль 2007: 592–593), а также в комплексах типа Бревени, которые Я. Наймети датирует периодом BrD по П. Райнеке и склонен считать ее индикатором наиболее ранней фазы культуры Гава — Гава I (Кобаль 2007: 594). Кроме того, и на других памятниках украинского Закарпатья (Бобове, Олешник) имеются примеры сосуществования форм и орнаментации культуры Станове, но уже с доминированием керамики типа Гава с чернолощеной внешней и розовой внутренней поверхностями (Кобаль 2007: 595)⁶.

⁵ Прояснить ситуацию (о схожести и различиях в культурах Голиграды и Гава) могли бы погребальные памятники. Однако, как это ни удивительно, на сегодня не известно ни одного погребения раннего и развитого этапа Голиградской культуры. Также не обнаружены могильники и отдельные погребения группы Греничешть. В самой культуре Гава известные на сегодня погребальные памятники исчисляются единицами (в основном, урновые трупосожжения). Очевидно, существовали какие-то веские причины, которые обусловили такую ситуацию с погребальными памятниками в территориально смежных областях.

⁶ Сегодня для датировки фазы Станове III, в которой впервые встречаются прямые аналогии раннегавской керамике, исследователи используют два клада, найденные на периферийном участке уже упомянутого поселения Квасово I, керамические материалы которого засвидетельствовали сосуществование на протяжении некоторого промежутка времени гончарных традиций позднестановской культуры и культурного круга Гава. Например, чекан-молот с первого Квасовского клада принадлежит по классификации И. Нестора

Похоже развивалась ситуация с появлением наиболее ранних голиградских комплексов на северо-восточной стороне Карпат — в Верхнем Поднестровье. Только здесь подосновой выступали памятники культуры Ноуа. Первый случай стратиграфически доказанного сосуществования материалов поздней Ноуа и ранних Голиград прослежен Л. И. Крушельницкой в Городнице на Днестре, где на полу и под стеной сооружения 3 раскопа VI были расчищены многочисленные фрагменты раннеголиградской посуды, между которыми присутствовали выразительные обломки небольших амфор, банкообразных горшков с выдавленными изнутри псевдопроколами и др., имеющие ближайшие аналогии в сабашиновско-белогрудовском блоке культур и культуре Ноуа (Крушельницкая 1993: 103, рис. 54: 1–5). Этот факт сосуществования керамики двух, казалось бы, разновременных культур в одном закрытом комплексе (до этого похожий пример был прослежен Г. И. Смирновой на поселении Магала III, о чем в свое время писала Л. И. Крушельницкая (1985: 42–43)), свидетельствует о некотором периоде сосуществования обеих культур (поздней Ноуа и раннеголиградской) в Северо-Восточном Прикарпатье. Эти процессы в Верхнем Поднестровье могли иметь место не позднее первой половины — середины XIII в. до н. э. (Бандрівський 2008: 136). Поэтому, возвращаясь к датировке М. Т. Кашубой культур Голиграды и Гава (по ее мнению — с XII в. до Р. Хр.), нужно все же иметь в виду тенденцию к удревнению их начальной даты.

В целом высказанные критические замечания по поводу некоторых спорных, на наш взгляд, моментов в статье М. Т. Кашубы несколько не умаляют ее научности и новизны поставленной проблемы. Взгляды на происхождение и датировки археологических культур и территории их распространения могут (и должны, как следствие новых открытий) меняться. Неизменными остаются лишь основные характеристики археологических культур, одной из которых и является домостроительство.

Литература

- Бандрівський М.* 2008. Етнокультурна ситуація на заході України у постгавський час: голиградська культура й пам'ятки латорицької групи (проблеми хронології й періодизації) // МДАПВ 12, 127–161.
- Бандрівський М. С.* 2009. Новий ритуальний об'єкт часів скіфської архаїки зі Швайківець біля Чорткова на Тернопільщині (попереднє повідомлення) // Отрощенко В. В. (ред.). Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної і Східної Європи. Збірник наукових праць на пошану Л. І. Крушельницької. Київ, Львів: ІА НАНУ, 202–235.
- Бандривский М.* 2011. Восточногальштатский импорт — новый источник для датировки курганов среднестровской (западноподольской) группы (по материалам усыпальницы в Швайковцах возле Чорткова на Тернопольщине) // Алёшкин В. А., Бочкарев В. С. (ред.). Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. СПб.: ИИМК РАН, ГЭ, 59–63.
- Конопля В., Чопек С.* 1995. Культурно-хронологічна інтерпретація скарбу бронзових виробів з Яргорова // Кобаль Й. і др. (ред.). Проблеми археології Східних Карпат. Ужгород: Гражда, 87–94.

к типу Br3c, Br2 и переходной форме Br1/Br2. Таким образом, объединяются находки, которые ранее считались принадлежащими к двум разным хронологическим горизонтам: Форро и Опай (Кобаль 2007: 596, ил. 10).

- Крушельницька Л. І.* 1985. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. Київ: Наукова думка.
- Крушельницька Л.* 1993. Нові пам'ятки культури Гава-Голігради // Крушельницька Л. І. (ред.). Пам'ятки гальштатського періоду в межиріччі Вісли, Дністра і Прип'яті. Київ: Наукова думка, 56–122.
- Крушельницька Л. І.* 1998. Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівської групи пам'яток). Львів: Видавництво Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаника НАН України.
- Крушельницкая Л. И., Малеев Ю. Н.* 1990. Племена культуры фракийского гальштата (Гава-Голиграды) // Черныш А. П. (ред.). Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо). Киев: Наукова думка, 123–132.
- Кобаль Й.* 2007. До питання про хронологію та періодизацію культури Станове // ЗНТШ ССЛІІІ, 583–601.
- Малеев Ю. Н.* 1987. Гальштатские городища в Западной Подолии и Прикарпатье // Артёменко И. И. (ред.). Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 86–101.
- Пивоваров С., Ільків М.* 2009. Нові знахідки скарбів епохи бронзи — раннього заліза на території Буковини // Отрощенко В. В. (ред.). Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної і Східної Європи. Збірник наукових праць на пошану Л. І. Крушельницької. Київ, Львів: ІА НАНУ, 89–98.
- Смирнова Г. І.* 1972. Населення Східних Карпат в епоху раннього гальштату (Гавсько-голіградське коло пам'яток) // Гранчак І. М. і др. (ред.). Культура та побут населення Українських Карпат. Ужгород: Видавництво Ужгородського університету, 96–97.
- Хохоровски Я.* 1996. Городища епохи поздней бронзы восточной части Карпатской котловины: показатель развития или кризиса общественно-культурных структур? // Супруненко О. Б. (ред.). Більське городище в контексті пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава: ЦОДПА, ВЦ «Археологія», 211–221.
- Gedl M.* 1985. Archeologia pierwotna i wczesnośredniowieczna // Kozłowski J. K. (red.). Część III: Epoka brązu i wczesna epoka żelaza w Europie. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 177–180.
- Metzner-Nebelsick C.* 2010. Aspects of mobility and migration in the eastern Carpathian basin and adjacent areas in the Early Iron age (10th–7th centuries BC) // Dzięgielewski K. et al. (Eds.). Migration in Bronze and Early Iron Age Europe. Kraków: Księgarnia Akademicka, 121–151.
- Morintz S.* 1987. Noi date și probleme privind perioadele hallstattiană timpurie și mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag) // Thraco-Dacica VIII, 39–71.
- László A.* 1994. Începuturile epocii fierului la est de Carpați. Culturile Gava-Holihrad și Corliteni-Chișinău pe teritoriul Moldovei. București: IRT.
- Paré Ch. F. E.* 1999. Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa. Teil 1. Grundzüge der Chronologie im östlichen Mitteleuropa (11.–8. Jahrhundert v. Chr.) // Jahrbuch des Römisch Germanisches Zentralmuseum Mainz 45 (1998), 293–433.
- Trachsel M.* 2004. Untersuchungen zur relativen und absoluten Chronologie der Hallstattzeit, Teile 1–2. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH.